

18+

КУХНЯ
ОПАВШИХ ГРЁЗ

ГЛЕН МАРСО

Глен Марсо

Кухня опавших грёз

<https://litres.ru/74156053>

ISBN 9785007027274

Аннотация

Философская притча о дружбе, предательстве и пути к себе. Что будет, если пьяный друг нажмёт не ту кнопку и отправит тебя в путешествие по измерениям? Санёк задавался этим вопросом каждый раз, когда Мел Очкофф — собутыльник и «друг» — сбрасывал его в пространства за гранью реальности. Семь миров. Семь уроков. Семь шагов к пониманию того, кто ты есть на самом деле. История о том, как два человека — один сбрасывает, другой возвращается — проходят путь от дружбы за рюмкой до единства душ.

Содержание

Глава 1. Дурнево	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Кухня опавших грёз

Глен Марсо

© Глен Марсо, 2026

ISBN 978-5-0070-2727-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Дурнево

Пузатый карлик Мел Очкофф опять нажал втихаря кнопку переместителя и сбросил меня в пространстве и времени по шкале «десять в четырнадцатой». И ведь как подкараулил, гад! Выбрал самый неприметный момент, когда я был беззащитен. Только накатили по третьей, он и даванул на кнопку... Видать, пальцем мимо кружки попал.

Ох, наивен я! Еле выбрался в прошлый раз: полтора миллиарда лет скитался по мирам и галактикам. Обрато на Землю попал случайно — добрые сущности помогли из седьмого измерения. Думал — всё! Прибыю гаденьша, залимоню в глаз или в ухо — мама родная не узнает. А увидел его — оттаяла душа. Он ведь подлый, сразу сопли распустил, заверещал как резаный:

— Санёк! Без тебя пропадаю совсем! Накатить не с кем, поговорить тем более. Последний собутыльник куда-то провалился три тысячи лет назад, а новых-то нет.

И на самом деле чуть не зачах, видно было по нему. Я и расслабился, думал, остепенился он после таких страданий. Вот ведь сволочь, а? Пьет с людьми, без них жить не может, а только выпадет случай — хлоп! — и сбросит человека за

пределы времени и пространства. Скулит потом, чахнет, а человека не вернуть. Попробуй, выпутайся из бесконечности. Там никакие приборы не действуют. Болтаешься между мирами и измерениями и не знаешь: то ли к Земле движешься, то ли от нее. И кто только ему переместитель доверил?

В общем, слабинку я дал, купился на радость сбросоманскую и улетел. Не знаю, выберусь ли на этот раз. Даже представления не имею, в какой точке бытия проявился. Хоть бы направление представлять, но — нет даже намеков.

С такими мыслями шлепнулся на поверхность какой-то планеты в совершенно неизвестном уголке вселенной. Приземлился довольно мягко, в некое подобие земного мха на болоте. Только его «подушка» высотой метра полтора и пружинила так, что я даже не почувствовал призем... тьфу ты, припланетения, что ли, придется теперь говорить? С приземленьцем нынче проблемы у нас.

— Где ты, кормилица голубоглазая, ау-у-у...

— Лежать нечего, пора двигать хоть куда-нибудь, — сказал сам себе и решил выкарабкиваться из пропащей ситуации любыми путями.

Выбрался из упругой ловушки и двинул в сторону дале-

кого свечения на небе. Предположил логично: раз светится снизу, значит, идет от поверхности. Следовательно, может иметь искусственное происхождение.

Отмерив изрядное количество пространства, понял — не ошибся. Впереди замаячили контуры большого города. Если так его можно назвать. Подойдя ближе, увидел место столь странное, что никакого словарного запаса не хватит его описать.

Дворцы невиданной красоты из серого мрамора, малахита и красного дерева уходили тёмно-зелеными и медно-красными куполами в головокружительную высь. Наверное, их строили для гигантов. Улицы и проулки между дворцами были вымощены в тех же тонах, но большинство представляло собой дощатые тротуары из красного дерева с красивыми перилами. Всюду величественные деревья, напоминающие наши сосны и ели, только размером с шестнадцатипятиэтажку.

Казалось, архитекторами этого города были гигантские ювелиры и плотники-краснодеревщики, создававшие дома и улицы как драгоценности. Налет таинственности на всем, дух вечности, как на покрытой зеленью бронзовой статуе тонкой работы. Это был город, но в нём чувствовалась душа необыкновенной деревни с её тихим, размеренным строем жизни и дымчатой аурой. В своей сущности он был единым

домом, хотя и состоял из отдельных зданий. Жизнь здесь протекала как в квартире, где можно ходить из комнаты в комнату, не выходя на улицу. Все дышало роскошью, чистотой и тайной.

Над этим монументальным «как бы городом», «как бы деревней» возвышалась гигантская крона ещё более огромного дерева, упиравшаяся, казалось, в самое небо. Дерево напоминало могучего, кряжистого старика с косматой головой и жилистыми руками, которыми он поддерживал купол мироздания. Его ноги с вздувшимися, узловатыми венами росли из почвы, будто могучие корни.

Со всей очевидностью это дерево являлось самым сердцем необыкновенного города-деревни, самой душой его. Ствол был усыпан симпатичными домиками-скворечниками, выполненными так же искусно, как и вся архитектура города. Они светились изнутри неярким, но притягательным светом, словно китайские фонарики.

Однако главной достопримечательностью дерева-города было нечто другое. Это поразило меня логической невозможностью и приковало все внимание так, что остальное отошло на второй план.

На разлапистых ветвях дерева вниз головами висели боль-

шие красивые лошади.

Это были сильные и умные лошади с чёрными блестящими копытами, шелковистой шкурой, коротко и стильно стриженными гривами, и крупными головами. Что-то аристократическое присутствовало в их манере висеть вниз головой, скрестив передние ноги на груди и закрыв глаза. Время от времени некоторые из лошадей перелетали с ветки на ветку или спрыгивали на почву. В их плавных движениях чувствовались сила и изящество.

В городе были существа, похожие на людей. Они на площадях косами взбивали творог в больших деревянных чанах, двигаясь вокруг них по одному и тому же кругу, и не умели разговаривать. Но нечто главное, вечное чувствовалось именно в лошадях. Все остальные существа были второстепенны в силу отсутствия у них лошадиного разума.

Лошади знали себе цену. Это я понял сразу, как только увидел их неподдельное царское величие. И они действительно были изысканных кровей. Им принадлежал город. Сначала я очень удивился своему знанию, но вскоре понял: это знание дали мне сами лошади. Они общались между собой, не открывая глаз и не шевеля губами. Они говорили мысленно, но я все слышал и понимал.

— Странное существо, — сказала лошадь, висевшая прямо напротив меня.

Удивлению моему не было предела. Как она могла меня видеть, не открывая глаз? И тут же я удивился еще больше: откуда мне известно, что эта лошадь — женщина?

— Это человек, — раздался голос коня, висевшего справа.

Явно почувствовал, что все лошади смотрят на меня с любопытством, хотя ни одна из них не шевельнулась и не открыла глаз.

— Человек? — переговаривались они между собой. — Как любопытно.

— Как он может быть человеком, когда он умеет разговаривать? — спрашивали одни.

— Умеет разговаривать? Странно, — подхватывали другие.

— Но он совершенно напуган.

— И растерян.

— Он потерял дар речи.

— Он ошеломлен, — неслось со всех сторон.

— Человек, — обратилась ко мне молодая лошадь. О возрасте можно было догадаться по ее звонкому игривому голосу. — Успокойся и скажи нам, откуда ты пришел?

Мне стало легко и спокойно. Эти удивительные существа жили за гранью добра и зла и поклонялись совсем другим законам.

— Я живу на планете Земля, — ответил я, а про себя подумал: правильнее было бы сказать — жил.

— Планета Земля, — сказала одна из лошадей. — Это в мире материи.

— О! Это грубый мир, — подхватила другая. — Но почему ты думаешь, что правильнее говорить о твоей жизни в прошлом?

— Боже мой, я же разделяю речь и мышление, — подумал я. — Говорю только то, что считаю нужным, и считаю несказанным то, что остается в мыслях. Сейчас эти правила не подходят. Они меня подводят, когда я желаю кое-какие

мыслишки припрятать. Нелепое положение. Но как же лошади? Неужели они знают обо всем, о чем думают другие? Или их мысли — это их язык, а то, что они хотят оставить про себя, совсем из другого измерения?

— Ты прав, — услышал я голос старой лошади. — То, что ты слышишь, это наш язык, но ты не слышишь наших мыслей. Впрочем, как и мы сами.

— Это нечестно, — подумал я.

— Но мы ничего не можем поделать с этим, — сказали лошади. — Мир материи, из которого ты пришел, слишком примитивен, чтобы создать способность проникать в глубины других миров.

И тогда я спросил у них, решив блеснуть познаниями земной философии:

— Так мир материи первичен по отношению к вашему или нет?

— Нет, — ответили лошади. — Мир материи в высшем своем проявлении — это разум человека, это мысль. Такова конечная стадия его развития. Ничего сложнее и выше разума человеческого он породить не сможет. Что касается мира

нашего, то это абсолютно противоположное явление по отношению к материальному миру. Он никак не связан с материальным или вашим идеальным миром, что, собственно, одно и то же. Наш мир и мы сами — это дух вселенной. Но не тот дух, каким понимаете его вы — как мышление вашей вселенной, её разум, порождение вашей вселенной. Нет, это самостоятельный мир, существующий сам по себе. Мир, на фоне которого кружится в вечном танце бесконечное число других миров, самых разных: и материальных, и нематериальных, в том числе и ваш.

Лошади продолжали мысленно вещать:

— Материя породила дух и тем самым стала доступна для нас. Этот дух — всего лишь возможность контакта, связи между нами, но отнюдь не наша единая основа. Ваше идеальное, ваш разум для нас такая же грубая материя, как бревно, например, для вашей головы. Мы можем взаимодействовать с идеальным, с духом вашей вселенной, но между нами огромная пропасть. Из мысли невозможно сделать кусочек нашего мира или нашего языка, точно так же, как из материи нельзя сделать хоть что-нибудь из того, что ты здесь видишь.

— Но как же я вас вижу, слышу? Как я дышу вашим воздухом, топчу вашу траву? — с недоумением спросил я. — Как я осознаю самого себя, в конце концов?

— Ты ничего не топчешь и ничем не дышишь, поскольку тебя в нашем мире нет. Ты стоишь на траве, вдыхаешь незнакомый аромат, любишь прекрасными дворцами и существами, но все это не материально и не идеально в вашем понимании. Хотя для тебя нет в этом никакой разницы, поскольку тебе кажется, что ты все это ощущаешь, как привычное, земное. Твоего разума сейчас нет, и твоих ощущений нет. Есть только мы и наш мир. Нет и осознания тебя самим собою, есть только мы, осознающие тебя как самого себя. Ты вообще не можешь находиться в нашем мире. Если на Землю ты можешь попасть хотя бы теоретически, пролетев сквозь всю вселенную, то к нам попасть из вашего мира невозможно. Хотя мы и находимся с вами в одной точке пространства и времени. С позиций вашей логики наше совместное существование исключено, но мы, тем не менее, существуем вместе и одновременно, не досягая друг друга вопреки вашей логике. Наш контакт возможен лишь тогда, когда вы переходите в то измерение, в котором остаетесь как единица информации.

— Так я есть только память, которую вы вскрыли и пользуетесь как своей?

— Совершенно верно. Это все, что остается от человека, покидающего свое измерение.

— Но у меня есть желания. Я хочу вернуться на Землю.

— Это не твои желания, они тебе не принадлежат, поскольку тебя нет, а есть только мы. Мы постигаем твои чувства, твои желания, твои рассуждения, которые хранятся в твоей памяти. Даже наши разговоры о «твоей» памяти — всего лишь дань вашей логике. Ты не можешь говорить о «своей» памяти, ибо тебя нет. Память есть, а тебя нет. О твоей памяти можем говорить только мы. Ты существуешь через нас и самим собой быть не можешь. Хотя тебе все это представляется иначе. Используя твою память, мы мыслим за тебя, воспроизводя твой мир и твои возможные действия, но так, как нам понравится.

— Используете мою память и рисуете свои картины? Развлекаетесь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.